

Ци Гу заподозрил, что неверно прочитал сообщение или что Сан Ма ошиблась при наборе. Стоя под карнизом главного зала, он смотрел на спину Линь Ханьчжи и одновременно писал Сан Ма, чтобы уточнить.

Сан Ма ответила: «Прямо сейчас. Всё верно. Подожди немного и сам увидишь»

Ци Гу: «Угу»

Он быстро зашагал вперёд, к спине, на которую уже довольно долго смотрел, а приблизившись, протянул руку и похлопал человека по плечу:

— Ханьчжи.

Линь Ханьчжи всё ещё мысленно готовился к предстоящему разговору. От неожиданного хлопка Ци Гу он едва не сиганул прямо с площадки у горных ворот.

— ...Ты пришёл.

Ци Гу кивнул и вместе с ним встал перед воротами, глядя на длинную каменную лестницу, которая тянулась вниз, пока полностью не исчезала во тьме.

Здесь сходились воздушные потоки, и горный ветер был пронизывающе холодным. Даже Ци Гу, простояв всего минуту-другую, почувствовал, как холод пробирает до костей, что уж говорить о Линь Ханьчжи с его слабым здоровьем. Ци Гу взял его за запястье, сжал, проверяя температуру, и сказал:

— Иди внутрь. Здесь холодный ветер.

— А ты? — Линь Ханьчжи не ожидал, что после раскрытия его личности Ци Гу будет настолько спокоен, словно давно обо всём знал.

А совершенно естественный жест, которым Ци Гу только что проверил температуру его руки, так согрел душу Линь Ханьчжи, что ему показалось: даже остывшее на ветру тело немного отогрелось от участвовавшего сердцебиения.

— Я подожду здесь. Когда дождусь, позову тебя, — как само собой разумеющееся ответил Ци Гу и слегка подтолкнул Линь Ханьчжи, торопя его зайти внутрь.

Только теперь Линь Ханьчжи наконец заметил, что здесь что-то не так. Выражение его лица несколько раз изменилось, стало странным, в персиковых глазах мелькнула задумчивость.

— Можно задать не слишком бестактный вопрос? Кого именно ты сейчас ждёшь?

Ци Гу не ожидал такого вопроса. Он что, решил сам снять маску?

Так внезапно?

Ци Гу не понимал, почему Линь Ханьчжи вдруг решил это сделать, но всё же ответил:

— Жду одного начальника Управления, чтобы обсудить дела храма Хай-гуна.

Говоря это, он по-прежнему посматривал на каменные ступени, пытаясь выхватить из темноты фигуру какого-нибудь пожилого человека в административной куртке.

Линь Ханьчжи:

— М-м... а ты не допускаешь, что человек, которого ты ждёшь, — это я?

Он осторожно высказал это предположение.

Ци Гу перевёл на него взгляд и совершенно спокойно ответил:

— Исключено.

В конце концов, он слышал, что этот начальник Управления очень силен в бою.

А Линь Ханьчжи был всего лишь маленьким канцелярским работником, который толком мира не видел и при встрече с призраком испуганно прятался за спиной Ци Гу.

Не ожидав, что Ци Гу окажется настолько непробиваемым, Линь Ханьчжи пришлось зайти с другой стороны:

— А каким ты представляешь себе начальника Управления?

«Вот это я знаю», — подумал Ци Гу и немедленно ответил:

— Наверное, правильные черты лица, внушительный и праведный вид, лет пятьдесят-шестьдесят, в руке термос, на нём административная куртка. Пожилой мужчина или женщина.

Линь Ханьчжи:

— ...

Ну уж нет.

Если он продолжит расспрашивать, Ци Гу, пожалуй, успеет придумать ему и взрослых детей, и полный дом внуков. Линь Ханьчжи поспешно сказал:

— Подожди. Я правда начальник Управления. Это я попросил Сан Ма передать тебе сообщение.

Ци Гу нахмурился.

Линь Ханьчжи решил, что тот злится из-за обмана, и немедленно капитулировал:

— Прости. Я так долго намеренно скрывал это от тебя. Поначалу я просто хотел от имени Управления прощупать тебя и посмотреть, насколько ты силён. Но ты оказался невероятно способным и очень быстро развеял все мои сомнения. Когда я велел Пубу Гэсану пригласить тебя в Управление, мне уже следовало всё объяснить... Но тогда мне всё казалось, что, если я скажу тебе правду, мы больше не сможем общаться так же, как раньше. Поэтому я всё скрывал и молчал.

Даже когда Линь Ханьчжи был виноват, его выдающаяся внешность всё равно заставляла людей его жалеть. Под лунным светом его глаза напоминали две мерцающие водные глади — яркие, завораживающие.

Увидев, что Ци Гу молчит, улыбка исчезла из его глаз и бровей, словно он снова стал таким же холодным, как при первой встрече, Линь Ханьчжи запаниковал, будто внутри него поселилось целое гнездо беспорядочно брыкающихся кроликов. Он нервно схватил Ци Гу за запястье и виновато посмотрел на него:

— Прости. Я правда понял, что был неправ. Можешь... простить меня в этот раз?

Межбровье Ци Гу по-прежнему было сведено, и это лишь усиливало тревогу Линь Ханьчжи. Он чувствовал себя преступником, которого привели на суд, а Ци Гу — судьёй. Он признал вину, но судья от начала и до конца не говорил ни слова. Для любого человека с нечистой совестью такая тишина была бы мучительнее всего и только усиливала тревогу.

Когда Линь Ханьчжи уже собирался добавить что-нибудь ещё, Ци Гу внезапно заговорил, нахмурившись ещё сильнее:

— А человек, который боится призраков, вообще может быть начальником Управления? Тебе не страшно, когда читаешь материалы дел?

Главная мысль Ци Гу прошла мимо всего мира и в итоге остановилась на пункте, который удивил даже Линь Ханьчжи.

Линь Ханьчжи:

— ...?

В этот миг вся радость от постоянного разыгрывания спектаклей обрушилась на него обратным ударом. Он опустил глаза и тихо сказал:

— Всё это я играл. Чтобы... привлечь твоё внимание.

Ци Гу снова замолчал. Уши и щёки у него пылали, но, к счастью, лунного света было мало, а у горных ворот царила темнота, полностью скрывавшая его состояние.

Линь Ханьчжи же решил, что Ци Гу действительно рассердился. Не заботясь больше ни о чём другом, он просто взял его за запястье и силой прижал ладонь Ци Гу к своей щеке:

— Если ты правда очень зол, можешь меня ударить. Я отлично держу удары. Можешь бить, пока не успокоишься.

Линия профиля Линь Ханьчжи была плавной и красивой. Ладонь Ци Гу прижалась к его лицу, и Ци Гу невольно мягко провёл подушечкой пальца по коже... М-м, кожа у Линь Ханьчжи и правда была такой же гладкой, как выглядела, только слишком бледной.

Сам по себе обман Линь Ханьчжи Ци Гу не злил. Во-первых, тот уже давно себя выдал. Во-вторых, извинялся он вполне искренне.

Единственное, что действительно удивило Ци Гу, — Линь Ханьчжи оказался не обычным канцелярским сотрудником, а начальником Управления по делам аномальных событий.

Но теперь Ци Гу и правда начал злиться... Что значит «я отлично держу удары»?

Он поднял глаза. Черты его лица стали холодными и жёсткими. Перевернув ладонь, Ци Гу тыльной стороной дважды легко похлопал Линь Ханьчжи по щеке.

— Вот как? И насколько хорошо? Рассказывай подробно.

После этих двух похлопываний щёки Линь Ханьчжи тоже немного нагрелись. То ли голова у него закружилась от жара, то ли ещё что, но опасности в голосе Ци Гу он не уловил и продолжил:

— В пятнадцать лет на первом задании я убил призрака класса С. Он проткнул мне живот, но я прямо на месте набрал немного золы от травы и деревьев, намазал рану и снова встал. Потом неделю лежал в больнице и опять был как новенький.

— Ещё.

— В семнадцать лет была сильная кровопотеря. Я уже думал, что всё, конец, но оказалось, организм успел привыкнуть к состоянию потери крови, и я мог драться ещё полчаса. Ну и дотянул бой до конца, — Линь Ханьчжи хотелось продемонстрировать Ци Гу свою прекрасную способность восстанавливаться и переносить травмы, чтобы тот мог без угрызений совести побить его и выпустить злость.

Он думал: когда Ци Гу успокоится, он сможет продолжить и признаться уже в настоящих чувствах.

— Старое повреждение души осталось с того раза? — Ци Гу смотрел прямо в глаза Линь Ханьчжи, и его взгляд был холоднее горного ветра.

Линь Ханьчжи больше не хотел ему лгать и покачал головой:

— Нет.

— Говори, — коротко приказал Ци Гу.

Ночной горный ветер и тонкий туман струились между ними. Некоторое время слышались только ветер, шелест листьев и крики каких-то неизвестных животных.

Линь Ханьчжи медленно заговорил:

— Ты ведь тоже замечал, что в усадьбе Линь почти нет ощущения живого дома? Всё выглядит безжизненно.

Стоило ему начать, и Ци Гу понял: одно из его прежних предположений об усадьбе Линь оказалось правдой.

И действительно, следующими словами Линь Ханьчжи были:

— На самом деле они не путешествуют. Их больше нет... Как ты и я, когда-то они все служили в Управлении по делам аномальных событий. Но однажды на усадьбу Линь обрушилась призрачная катастрофа. В ту ночь дома были все Лини, а выжил только я. И я даже не помню, что тогда произошло.

Будто почувствовав, что атмосфера стала слишком тяжёлой, Линь Ханьчжи чуть приподнял тон:

— Потом предыдущий начальник Управления забрал меня к себе. Ради мести я сосредоточился на мистических искусствах, по дороге бил монстров, повышал уровень и в итоге сам стал начальником Управления... Звучит немного как веб-роман про прокачку крутого главного героя, правда? И я ещё сирота как по заказу. Мяо Юэ говорит, с такой биографией мне самое место кормиться в «сиротском приюте Qidian».

— Если не хочется смеяться, не смейся, — сказал Ци Гу. — Ты всё ещё не объяснил, откуда повреждение души.

Предположение подтвердилось. Глядя, как Линь Ханьчжи пытается рассказывать о прошлом более лёгким тоном, Ци Гу уже чувствовал, как сердце болезненно сжимается.

Он подумал: потеря учителя, с которым они жили бок о бок, и то причиняла ему боль столько лет. А Линь Ханьчжи разом потерял всех родных, ничего не мог сделать и даже не помнил, что именно произошло тогда, не имея возможности дать хоть какую-нибудь зацепку для мести за семью.

Поменяйся они местами — Ци Гу и сам не знал, смог бы он так же упрямо и стойко вырасти в того человека, которым стал Линь Ханьчжи.

Его пальцы едва заметно шевельнулись. Затем Ци Гу раскрыл руки и обнял Линь Ханьчжи, даря ему тёплые объятия. Одновременно он мягко поглаживал его по спине, словно успокаивал раненого котёнка, которого привезли в ветеринарную клинику на лечение.

Объятия Ци Гу не были широкими, но для Линь Ханьчжи это было редкое, почти невиданное тепло. Они долго стояли обнявшись в тёмном горном ветре, и лишь спустя некоторое время Линь Ханьчжи продолжил отвечать на вопрос Ци Гу.

Но стоило ему произнести первые несколько слов, как Ци Гу, только что отпустивший его, снова приблизился и крепко взял за руку, будто хотел таким способом передать ему немного храбрости.

Линь Ханьчжи сказал:

— Моя душа повреждена не из-за ран, полученных в боях с сильными призраками, а из-за техники, которую я практикую. Она передаётся по линии рода Нин моей матери и называется «Управление костями». Способ освоения такой: останки кровных родственников очищают и переплавляют вместе с собственной плотью, кровью и душой. После полного очищения костяные клинки становятся несокрушимыми, и даже призраки и божества их страшатся.

Ци Гу встречал описание этой техники в одной древней книге, оставленной учителем. Но там говорилось, что она давно утрачена, потому что легко сокращает жизнь, и почти никто не решается практиковать её добровольно. И ещё... В книге было сказано, что техника чрезвычайно трудна, а процесс обучения мучителен до крайности. Человек, способный одновременно управлять двумя костяными клинками, уже считался бы выдающимся гением своего поколения.

Но, судя по степени повреждения души Линь Ханьчжи, тот явно очистил далеко не два клинка.

И именно в этот момент Линь Ханьчжи повернул запястье, вытащил из рукава тонкий костяной клинок, зажал между пальцами и показал Ци Гу.

Он не знал, что Ци Гу уже читал древнее описание тайной техники семьи Нин.

Одной рукой Ци Гу продолжал держать Линь Ханьчжи, а второй без колебаний ухватился за молнию его серого кардигана, плавно потянул вниз и просунул ладонь через распахнувшуюся одежду к рукаву Линь Ханьчжи. Его намерение было совершенно очевидно.

Линь Ханьчжи поспешно спрятал костяной клинок обратно в рукав и прижал блуждающие по одежде пальцы Ци Гу.

— Не шарь там. Они очень острые, порежешься.

— Я сам, — сказал Линь Ханьчжи.

По его мысли все спрятанные под одеждой костяные клинки слегка задрожали и загудели, а затем один за другим со свистом вылетели наружу и ровным строем зависли в воздухе перед Ци Гу.

Ци Гу пересчитал их, и черты его лица стали ещё напряжённее:

— Сорок? Так много?

— Сорок шесть. По числу сорока шести погибших членов семьи Линь. Ещё шесть я одолжил, — Линь Ханьчжи больше не смел ничего скрывать и честно выложил всё.

У Ци Гу от услышанного всё сильнее кружилась голова:

— Как ты их одолжил?

Оружие, связанное договором с душой, по идее невозможно передать другому: использовать

его может только хозяин этой души.

Линь Ханьчжи посмотрел на всё более мрачное лицо Ци Гу и наконец почувал опасность. Он попытался сгладить тему:

— Есть одна секретная техника.

— Говори.

Под давлением Ци Гу Линь Ханьчжи вдруг почувствовал, что, если сегодня не будет предельно честен, очень легко может лишиться любимого.

— ...Всё просто. Берёшь часть моей души — правда, совсем маленькую — и немного плоти с кровью, помещаешь в сосуд, а на костяной клинок накладываешь технику смещения восприятия. Тогда он принимает другого человека за меня.

— Мы столько знакомы, а я только сейчас понял, что ты, оказывается, псих, — Ци Гу выдернул руку из его ладони и сквозь зубы, слово за словом, произнёс: — Похоже, ты совсем не боишься смерти.

Сорок шесть костяных клинков... Отделять куски собственной души и плоти, чтобы одалживать оружие.

Неужели Линь Ханьчжи не понимал, что любая ошибка в одном из этих дел могла убить его на месте? Прекрасно понимал. Но всё равно делал. А потом ещё рассказывал Ци Гу, будто всё это сущие пустяки и самая обычная вещь на свете.

Если бы Ци Гу сам не знал, насколько это опасно, его и правда удалось бы провести.

— Не уходи... Прости. Теперь я правда понял. Я больше никогда не буду тебя обманывать. И я боюсь смерти. Правда боюсь... — Линь Ханьчжи обнял со спины Ци Гу, который уже развернулся, чтобы уйти. — Никогда раньше я не боялся смерти так, как сейчас. Признаю: когда я очищал те костяные клинки, каждый день думал, что, если не выдержу, можно просто умереть. Но теперь... я правда не хочу умирать.

Он ещё не получил прощения Ци Гу, не убедился в его любви... Они ещё не прожили вместе жизнь. Умереть сейчас — он бы не смирился.

— Я лю... м-м?!

Линь Ханьчжи внезапно почувствовал, как Ци Гу протянул руку вперёд и зажал ему рот.

Ци Гу холодно сказал:

— Замолчи. От тебя ледяным холодом тянет.

Если Линь Ханьчжи признается сейчас, разве это не разрушит весь план признания Ци Гу? Нет. Ни за что. Он столько времени потратил на подготовку.

А для лежебоки время — самое драгоценное, что у лежебоки есть.

Поэтому Ци Гу немедленно выбрал способ «закрыть рот рукой».

Он выскользнул из холодных объятий Линь Ханьчжи, сам уже пылая от смущения, и медленно протянул озадаченному Линь Ханьчжи руку:

— Идёшь или нет?

Увидев, что тот запутался ещё сильнее, Ци Гу снизошёл до объяснения:

— Ветер сильный. Ты ещё прижимаешься и морозишь меня. Я возвращаюсь в комнату.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949185>